

Ольга Хусаинова

ХОЗЯЙКА МЕХАНИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х98

Серия «Другие миры»

Разработка серийного оформления *Евгения Антофия*

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Хусаинова, Ольга Петровна

Х98 Хозяйка механической мастерской : роман /
Ольга Хусаинова. — Москва : Издательство АСТ;
Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. —
(Другие миры).

ISBN 978-5-17-183058-8

Меня зовут Аннет Ингриет, и я — талантливая помощница гениального изобретателя, которая внезапно оказывается на месте преступления. Весь город шепчется, подозревая во мне убийцу. Следователь кажется благородным, но хитер и проницателен — не раскроет ли он вместе с преступлением еще и мой тайный дар? Беглый чокнутый техномаг нахален и талантлив одновременно, и очень вовремя появился рядом, предложив помощь. Подозрительно вовремя. И оба мужчины друг друга терпеть не могут. Почему? Наверное, из-за меня...

Они оба еще просто не знают, кому на самом деле принадлежит мое сердце.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Ольга Хусаиновна, 2026
ISBN 978-5-17-183058-8 © ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1

Недельный ливень наконец-то прекратился. Июньское солнце весело отражалось в лужах, трава как будто ярче зазеленела, настроение поднялось не только у меня — на лицах немногочисленных прохожих я значительно чаще ловила улыбки, чем обычно. Оставалось лишь уворачиваться от брызг, которые поднимали громко цокающие копытами по мостовой лошади, запряженные повозками, и шумно тарахтящие паромобили. Лишних денег у меня не было, так что я ходила пешком.

Сегодня я спешила в мастерскую с особенным нетерпением. Во-первых, было безумно интересно, оценил ли кто-нибудь из покупателей мою последнюю разработку. Во-вторых, хотелось узнать, что же такое грандиозное задумал профессор.

Вчера он отпаивал меня сладким чаем: рубин поглотил удивительно много энергии для такого небольшого камня, голова кружилась до самого вечера, так что все вопросы

пришлось прибегать до завтра, то есть уже до сегодня. И я искренне надеялась получить ответы. А для более благодушного настроения профессора я по дороге зашла в кондитерскую тети Марты прикупить вкуснейшее пирожное. Он обожал сладкое, хоть и старался бороться со своей слабостью.

Я поудобнее взяла нарядную коробочку, перехваченную яркой атласной лентой, и ускорила шаг, стараясь не бежать вприпрыжку, как маленькая беззаботная девочка. Но очень хотелось. Вся природа шептала на ухо: «Беги!» — и даже ветер как будто подгонял в спину.

Возле мастерской царило необыкновенное оживление. Я чуть сбавила ход, присматриваясь. Черный паромобиль с синей эмблемой на капоте, полисмены в форме, топчущиеся зеваки, рассыпанные у самого входа шестеренки...

Я очень невежливо растолкала локтями толпу.

— Профессор Уилл! — с тревогой позвала я, врываясь в дом. — Профессор Уилл!

Один из полисменов ухватил меня за плечо.

— Сюда нельзя, мэ... Место преступления...

Он не договорил, потому что я резко выдернула руку и кинула в него коробку с пирожными, которую полисмен поймал на лету. Сама же я ввалилась в прихожую, тяжело дыша и сдувая со лба налипшие волосы. Серд-

це колотилось как бешеное, чувствуя тревогу. В нос сразу ударил неприятный сладковато-металлический запах, а глаза выхватили неприлично царящий в аккуратной мастерской бардак, а еще лужу крови.

Мир пошатнулся.

— Мэм, я повторяю: посторонним сюда нельзя.

Настырный полисмен опять попытался ухватить меня за руку, но я начала падать. От ужаса происходящего и понимания, что случилось нечто на самом деле страшное и непоправимое, застило глаза. Меня подхватили чьи-то заботливые руки, и нос мой уткнулся в ткань темно-серого пальто, пахнущего дымом и металлической стружкой. Чужие руки прижали меня к мужской груди, закрывая обзор.

— Возможно, это свидетель, — раздался прямо у меня над головой бесстрастный голос.

Полисмен не стал спорить.

— Вам лучше, мэм? — обратился голос ко мне. — Может, стакан воды?

Я отрицательно помотала головой, не открывая зажмуренные глаза, из которых текли слезы.

— Простите, мэм... Как я могу к вам обращаться?

— Аннет... — прошептала я. — Аннет Ингриет.

— Вы были знакомы с покойным?

Днем ранее

Загадка: почему в Риверстерне
четвертый день льет дождь?

Отгадка: потому что это Риверстерн!

В принципе, в туманном городке такая погода не редкость. И хорошо, что сегодня дождь не кислотный! Мое платье намокло, потяжелело, и теперь подол волочился прямо по мостовой, собирая грязь. Но даже в подобные пасмурные дни фонтанчики на городской площади исправно работали! Такая вот видимость благополучия...

Я пересекла площадь, сложила зонтик и толкнула тяжелую дверь мастерской. Колокольчик над головой тоненько звякнул, предупреждая хозяина о моем визите. Только никто не торопился меня встречать, и я осторожно прислонила зонтик к стене, сняла мокрый плащ и, подтащив к камину два табурета, развесила его там сушиться.

— О, Аннет!

Из-под грубо сколоченного и потемневшего от времени деревянного верстака вынырнул профессор Крот. Он подслеповато щурился, зажав одним глазом пенсне, в уголке рта торчала трубка красного дерева, а густые седые усы смешно топорщились в разные стороны. Тем не менее темно-синий сюртук его выглядел аккуратно и чисто, несмотря на то,

что работа была в самом разгаре, а руки испачканы густым черным маслом.

— Милая, ты хочешь мне что-то показать? — Голос его был возбужденным и крайне довольным.

— Доброго дня, профессор Уилл!

Да, у профессора Крота было и настоящее имя, а это милое прозвище я подарила ему еще ребенком, когда прибегала смотреть на разные крутящиеся шестеренки, с помощью которых оживали механизмы: передвигались стрелки часов, заливалась изысканной трелью медная канарейка в клетке, с грохотом ехал заводной экипаж... Здесь и сейчас некуда было ступить от всевозможных механических штук, пахло смазкой, кислотой и металлом, а на стенах были развешаны чертежи то ли монстров, то ли машин. Я обожала это место!

— Возможно, вы так увлеклись своим очередным творением, что не заметили, что за окном несколько дней льет дождь! — звонко сообщила я, улыбаясь.

Профессор вытер руки о ветошь и, еще сильнее прищурившись, хмыкнул в усы.

— Милая моя, я прекрасно заметил ваше мокрое платье и мокрые же следы ваших ног, но жалости и сочувствия от меня по этому поводу вам не видать! — вернул он улыбку.

Мне нравилось, когда он был в хорошем настроении.

— Ах, вы так жестоки! — притворно всхлипнула я и рассмеялась.

— Не магам на это жаловаться, — с грустной усмешкой ответил он, и я сочувственно кивнула.

Не магам... Но каждому даны свои способности — иногда в награду, иногда в наказание.

— Я сама еще боюсь, — в который раз вздохнула я.

Профессор Крот осуждающе покачал головой, но подошел к окну и плотно задернул занавески, принес из подсобки ведро воды.

— Любая магия начинается здесь, — постучал он пальцем по своему виску.

Я кивнула, и маленький синий шарик полетел вдоль подола. Запахло горелой тканью, я стиснула зубы, но старик не торопился окатить меня из ведра. Круг за кругом, поднимаясь все выше, летел шарик, потрескивали синие искры, я четко представляла себе траекторию, словно сама разглаживала подол теплыми руками, и в какой-то момент поняла, что все готово.

— Как же медленно, — посетовала я, взглянув на массивные настенные часы, сквозь стеклянное окошко в нижней части которых был виден почти весь сложный механизм. Моя любовь, гордость профессора. Что он, что я могли долго любоваться ходом времени под определенное настроение. Но не сегодня.

— Уже быстрее, — подбодрил он. — И даже не подожгла мне канистру с маслом! Ты молодец!

Умел он заставить покраснеть. Я запылала, как помидор, а расхохотавшийся профессор хлопнул меня по плечу.

— Ничего-ничего, никто же не требует от малого дитя, только научившегося ползать, чтобы он побежал, — успокоил старик.

Он всегда так говорил, с того самого дня, как разглядел во мне магическую искорку. А я... А я так боялась, что кто-то ее заметит, что разрыдалась тогда у него на глазах.

У магов не было выбора — их всех отправляли на государственную службу. И женили только между собой, как будто животных скрещивали, чтобы дар передавался. Но природа хитра, и зачастую одаренные дети появлялись у обычных людей, а у магов... Да-да, а у магов иногда рождались дети без магии. Но закон есть закон: обладаешь магией — значит, тебя бесплатно обучат, обеспечат жильем, работой, мужем, даже дату свадьбы назначат вместо тебя...

Многие об этом мечтали, но не я.

Не знаю, мечтал ли об этом профессор Уилл, но, когда он лишился магического дара, защищая город от вылезающей из канализации ожившей грязи, ему было не меньше сорока. Не самый лучший возраст, чтобы начать новую жизнь, но он справился. Закончил технический университет, защитил докторскую, открыл мастерскую... Меня всегда поражала его уверенность, что он все делает правильно. Его увлеченность при создании механизмов, при решении сложных расчетов. Своим энтузиазмом он заражал и меня, и мы порой до хрипоты спорили по какой-нибудь мелочи, вроде сколько цифр оставлять после

запятой... Недаром отец столько лет дружил с ним.

— Ну, хвастайся, — милостиво разрешил профессор, когда с сушкой было покончено. — Не просто же так ты прибежала из Синего квартала, через полгорода.

Он преувеличивал: от моего дома было не более получаса ходьбы. Но спорить я не стала. Вместо этого поставила кожаный саквояж на верстак и осторожно вытащила сверток. Он негромко звякнул в моих руках, когда я с трепетом разворачивала бумагу, и профессор в предвкушении поправил пенсне. Ему нравились мои работы, а эта была особенной. Он чувствовал это по моим движениям.

— Я наконец-то доделала, — прошептала я и поставила на стол... таксу.

Металлическая, с лапами на шарнирах, с гибким хвостиком, состоящим из наложенных друг на друга гнутых пластин, и с ключиком в спине. Я сделала несколько оборотов, и длинноухая псина ожила. Сделала несколько шаркающих шагов, затем пасть широко раскрылась, и из нее полился яркий свет. Пронзил насквозь всю комнату и маленькой, едва заметной точкой отпечатался на стене. Я провела ладонью перед собачьим носом, разрывая луч, и комнату заполнили вой сирены, лязг металла подпрыгивающей таксы и хриплое подобие лая. Я нажала рычажок под брюшком, и страшные звуки прекратились.

— Всегда знал, что это самая истеричная порода, — мягко улыбнулся профессор

и повернул собаку мордой к себе, рассматривая. — А если серьезно, отличное охранное устройство, не хуже настоящей псины.

— И не боится ни яда, ни пули, — с гордостью добавила я.

— Даже пули? — недоверчиво хмыкнул профессор.

— Ну, по крайней мере, прежде чем остановится последняя шестеренка, шума наделает — мало не покажется, — невинно согласилась я.

— Достойная работа, — вынес вердикт профессор, после того как вдоволь насмотрелся. — Завтра выставлю ее в лавке. Уверен, она скоро найдет своего покупателя.

Я была счастлива! Впервые он запер мое детище в верхнем ящике, не заставив ни исправлять, ни дорабатывать. Это была высшая оценка!

— Аннет... — Лицо профессора вдруг стало серьезным. — Мне больше некого попросить...

* * *

Я вцепилась в своего спасителя сильнее. Не показалось...

Не показалось!

— Вам и правда не следует здесь находиться. — Незнакомец успокаивающе провел ладонью по моей спине. — Давайте пройдем на кухню.

Я едва заметно кивнула, и он увлек меня за собой. Усадил за деревянный, такой знако-

мый стол, вложил в мою руку мою же кружку, наполненную холодной водой.

— Позвольте представиться: Эшли Крэйтон, следователь по особо важным делам.

Он коротко поклонился, и я наконец-то разглядела, о кого только что неприлично размазывала сопли. Темноволосый, с короткой стрижкой, он обладал выдающимся подбородком и прямым носом, светлые голубые глаза ярко выделялись на смуглом лице.

«Симпатичный», — вскользь отметила я.

— Итак, Аннет... Могу я вас так называть? — Он выжидательно посмотрел на меня, давая понять, что вопрос этот не только дань показной вежливости, и я кивнула. — Я так понимаю, вы знали покойного мистера Уилла?

Я снова молча кивнула и уткнулась лицом в платок.

— Он был другом моего отца... — тихо ответила я. — Я с детства прибегала к нему в гости в мастерскую. Мне здесь нравилось.

— Вы помогали ему по хозяйству? — предположил мистер Крэйтон.

Я вскинула на него заплаканные глаза и возразила:

— Профессор Уилл прекрасно со всем справлялся самостоятельно и держал мастерскую в образцовом порядке. Но иногда он слишком увлекался работой, погружался с головой в проект... Настолько, что забывал пообедать. Или позавтракать. Знаете, он был очень талантливым...

На слове «был» на глаза вновь навернулись слезы. Я судорожно вздохнула, пытаюсь их унять, и продолжила:

— Я и правда изредка помогала ему, но гораздо больше помогал мне он. Учил некоторым секретам мастерства и поддерживал... Мои работы даже близко не дотягивали до его...

— Вы, — в голосе следователя слышалось сомнение, — тоже техник?

— Я бы мечтала попасть в Академию технических наук, но, к сожалению, туда принимают только мужчин... — с грустью напомнила я. — Я подрабатываю медсестрой в местном госпитале и в этом году оканчиваю лекарский колледж.

— Я полагал, что медицинские работники менее... — Он замялся, подбирая нужное слово. — Чувствительные.

— Вы полагаете, мне стало плохо от вида крови? — Я вскинула на него возмущенный взгляд, потом нахмурилась и отвернулась. — После смерти родителей он был самым близким мне человеком. Теперь у меня не осталось никого...

Я невольно шмыгнула носом, и получилось чересчур жалостливо. Я не хотела, чтобы этот мужчина меня жалел. Я вообще не хотела, чтобы меня жалел кто бы то ни было.

— Прошу прощения, если вас обидел, — смиренно произнес следователь. — Я не преследовал этой цели. У вас есть предположения, кто мог желать покойному зла?